

обухом в лоб ударяше, ти потом топором иссечаше я на малыя поленца и, огонь възнетив, обоє стараше огнем — и куча с кунициями и кумир вкупе с ними» (стр. 136); «Се бо Стефан и боги ваша раскопал ест, и не могоша его вредити, иже с нарочитых кумиров съимав пелены и помета отрочищу своему, именем Матфейку, и сътвори из них гаща и онуща и ногавица, и износи я без пакости и без вреда» (стр. 139); «Огню горящу и пламени распяляющуся, преподобный же паче прилежаше, ем, понужая его, но и рукою яв за ризу влхва и крепко сожем его, похващаше и нудьма влещаше ко огню очима» (стр. 144); «Не бо ведал бывающаго, яко быти ему епископомъ темь, и не добивался владычства, ни вертелся, ни тщалься, ни наскакивал, ни накупался, ни насуливался посулы; не дал бо никому же ничто же, и не взял у него от поставления никто же ничто же — ни дара, ни посула, ни мзды» (стр. 148); «Топерво остахом добра промышленника и ходатая, иже был нам ходатай к богу и к человеком: к богу убо моляшеса о спасении душ наших, а ко князю о жалобе нашей, и о льготе и о ползе нашей, и ходатайствоваше и промышляше ко боляром же, к началом властем мира сего был нам заступник тепл, многожды избавляны от насилия и работы, и тивуньския продажа и тяжкыя дани облегчаны. Но и сами ти новгородци, ушкуйници, разбойници словесы его увещевании бываху, еже не воевати ны» (стр. 160). В «Житий Сергия» примеры подобного рода еще более обильны. Интересно отметить, что рассказы о чудесах, необычайных явлениях переплетаются с обыденными реалистическими зарисовками. Повествуя о чуде, когда Сергий, находясь еще в утробе матери, трижды громко «проверещал» в церкви, Епифаний вставляет такой эпизод в этот рассказ: услышав крик Сергия, «жены», находившиеся в храме, «приступльши к ней (матери Сергия, — Л. Д.), начаша въпрашати ю, глаголюще: имаши ли в пазусе младенца пеленами повита, его же глас младенческыи слышахом в всей церкви врещающе?», на это мать Сергия отвечает: «Пытайте, рече, — инде, аз бо не имам» (стр. 11). Младенец Сергий ничего не принимал в пищу по средам и пятницам. Обеспокоенная мать подумала, что ее сын болен, тогда «и с другими женами, с прочими кормителницами расматряюще беаше, мняше, яко от некия болезни младенцу приключашеса сие бывати, но обаче обзираху повсюду младенца, яко не болно, и яко не обреташеса в нем явления или не явленныя болезни, ни плакаше, ни стъняше, ни дряхловаше, но и лице и сердце и очи весели, и всячьскыи младенцу радостну сущу, яко и ручицами играше» (стр. 15). Обычный житийный мотив — самоистязание отрока и добровольный пост — у Епифания осложняется жизненными, обыденными деталями. Мать Сергия, видя, как сын истязает себя постом, «матерними си глаголы увещеваше его, глаголющи: „Чядо! не съкруши си плоти от многого въздръжания, да не в язю въпаднеши, паче же младу ти еще сущу, плоти растуши и цветущи; никто же бо тако млад сый в ту връсть твою, такому жестоку посту касається“» (стр. 29). Очень реален и необычайно тепл для житийных памятников эпизод, рассказывающий о просьбе родителей Сергия повременить с уходом из мира. Сергий «многожды моляшеса отцу своему, глаголя: „Ныне отпусти мя, владыко, по глаголу твоему и по благословиению твоему, да иду в иночьское житие“. Родители же его рекоста ему: „Чядо! пожди мало и потръпи о наю: се бо в старостии в скудости и в болести есмы ныне, и несть кому послужити нама: се бо братиа твоа Стефан и Петр оженистася, и пекутся како угодити женама; ты же не ожививыиси печешиси како угодити богови, паче благую часть избрал еси, и яже не отимется от тебе; токмо послужи нама мало, да егда наю родителя своя, проводиши до гроба, тогда и свою мысль сътвориши; егда нас гробу предаси и землю погребеши, тогда и свое хотение ис-